

— Зачем звал? — Сюэ Дуннин, небрежно перекинув лямку сумки через плечо, развязной походкой подошёл к низкой кирпичной ограде.

Ли Цинъюй уже ждал его там.

Сюэ Дуннин лениво приподнял веки:

— Если ты собрался рассыпаться в благодарностях, то не стоит. Лучше угости меня бабл-ти.

Ли Цинъюй без колебаний согласился:

— Тебе с каким вкусом?

— Сырный персик. И молочной пены побольше, — не задумываясь, отчеканил тот.

Получив желаемое, Сюэ Дуннин жадно припал к трубочке. Сладкий, насыщенный вкус сырной пенки и персика мгновенно заполнил рот, и он сразу заметно смягчился:

— Ладно, спросить-то что хотел? Валяй.

— У тебя из-за меня не было проблем? — спросил Ли Цинъюй.

— Да какие проблемы... Порасспрашивали немного и отпустили.

— И всё?

— А ты чего ждал? Чтобы меня в кандалы заковали?

Сюэ Дуннин ответил беспечно, но Ли Цинъюй слишком хорошо понимал: Чэн Вэя так просто не проведёшь. Кто такой Чэн Вэй? Лучший абитуриент города, легенда Университета А, человек с хваткой и острым умом.

Под его тяжелым, полным тревоги взглядом Сюэ Дуннину стало не по себе. Он досадно почесал затылок:

— Ладно-ладно, скачу как есть! Спросили, на кой чёрт я купил эту дрянь.

Ли Цинъюй подтянулся, внутренне сжавшись:

— И что ты ответил?

— Сказал, что для себя.

— Для себя?..

При росте Ли Цинъюя в сто семьдесят девять сантиметров Сюэ Дуннин выглядел ещё выше — под сто восемьдесят три. Подтянутый, с резкими, мужественными чертами лица и открытым взглядом, он меньше всего походил на Омегу, которому требуется подавитель. Тем более — такой, со специфическим действием.

Сюэ Дуннин от этого пристального осмотра густо вспыхнул и раздражённо рявкнул:

— Чё вылупился? Что, симбионтом я быть уже не могу, что ли?!

Ли Цинъюй вспомнил, что какое-то время назад по кампусу действительно ходили слухи об одной парочке симбионтов.

Рассказывали, будто у одного Омеги началась внезапная течка прямо в медкабинете, и если бы не его Альфа-симбионт, вовремя сделавший временную метку, дело закончилось бы скверно.

Кто бы мог подумать, что тем самым загадочным Омегой из сплетен был стоящий перед ним Сюэ Дуннин.

— И кто твой симбионт?

— Симбионт?! Какой ещё, к чёрту, симбионт?! Мать твою, не позорь меня! — Сюэ Дуннин вспыхнул, как порох, но тут же, видимо, вспомнил кого-то конкретного, потому что по его рукам побежали крупные мурашки.

Ли Цинъюй не привык лезть в чужие дела и никогда не отличался повышенной любопытностью. Но узнав, что Сюэ Дуннин тоже несёт на себе это бремя симбиоза, он ощутил неожиданное тепло и облегчение.

К тому же, с таким статусом легенда Сюэ Дуннина о покупке специального подавителя на чёрном рынке выглядела вполне убедительно. Неудивительно, что Чэн Вэй не стал копать дальше.

Дорога обратно в университет затянулась. Они неторопливо шли бок о бок, пока не дошли до развилки.

Когда они уже собирались разойтись, Сюэ Дуннин окликнул его:

— Слушай... По-моему, твой симбионт — отличный парень. Да и уровень совпадения феромонов такой высокий. Зачем всё скрывать? Не думал дать ему шанс?

Ли Цинъюй медленно качнул головой.

— У тебя уже кто-то есть? — прищурился Сюэ Дуннин.

Ли Цинъюй ничего не ответил.

Сюэ Дуннин лишь презрительно фыркнул:

— Чёртова любовь... Только жизнь людям калечит.

Он помолчал и уже серьезнее добавил:

— Но я тебя предупреждаю. Эта дрянь хоть и облегчает симптомы, побочки у неё хреновые. Не увлекайся. Если почувствуешь, что скручивает — дуй в больницу, понял?

Суббота.

Благодаря остаточным феромонам Чэн Вэя, полученным при той недавней встрече, Ли Цинъюй впервые за долгое время нормально спал несколько ночей подряд и немного набрался сил. Гуань Ян, заметив, что его ученик постепенно приходит в норму, вздохнул с облегчением.

Вернувшись из художественной мастерской, Ли Цинъюй застал комнатку пустой.

Вскоре из соседней общежитской комнаты заскочил Сюй Вэйжань — забрать какие-то вещи. Сегодня он собирался сидеть за учёбой до самого утра у соседей.

— Сяо Юймао, ты вернулся? — с порога бросил он. — Гу Линь ушёл в лабораторию, раньше двух-трёх ночи его не жди. Ши Яньпин отправился с младшей кураторшей в библиотеку, будут полночи обкладываться конспектами. Ну а Чэн Е... У Ли Цзянцзян сегодня день рождения, они зажигают в клубе, так что он вообще вряд ли вернётся.

Ли Цзянцзян — та самая красавица с факультета дикторского искусства.

— Если что понадобится, стучи в четыреста третью, я там!

Когда Сюй Вэйжань ушёл, Ли Цинъюй расстегнул верхние пуговицы рубашки. Грудь пылала: кожа пошла багровыми пятнами, а от сердца во все стороны расползлся удушливый, иссушающий жар.

Ещё в мастерской он почувствовал, что с телом происходит что-то неладное, и именно поэтому вернулся раньше обычного.

За последнее время Ли Цинъюй перечитал кучу медицинской литературы о симбиозе.

По сути, это было врождённым заболеванием, связанным с тяжелейшим дисбалансом феромонов. Так называемые «симбионты» — просто двое больных, чьи феромоны случайно совпали на идеальном, редчайшем уровне. Но ведь и обычные пары с высоким уровнем совпадения феромонов считались идеальным союзом.

И хотя сейчас многие люди перед свадьбой или даже перед первым свиданием бегали в клиники проверять уровень совпадения феромонов, огромная часть общества спокойно связывала жизни без всяких тестов. С какой стати он должен позволять уровню совпадения феромонов распоряжаться его судьбой?

В девять вечера у умывальников было пусто.

Ли Цинъюй взял тазик и пошёл в умывальную комнату. Он только закончил чистить зубы и набрал воды, как ощутил, что кто-то подошёл слишком близко.

От знакомого Альфы веяло лёгким хмелем. Склонившись к самой шее Ли Цинъюя, парень глубоко, с явным наслаждением втянул воздух и пробормотал сдавленным, хриплым от вожделения голосом:

— Чем от тебя так пахнет?.. Боже, как сладко...

Ли Цинъюй даже не поднял таз. Развернувшись, он бросился прочь и сбежал в комнату.

Захлопнув дверь, он прижался к ней спиной, пытаясь отгородиться от внешнего мира. Сердце в груди колотилось как бешеное, готовое вот-вот выпрыгнуть.

Спустя минуту в дверь тихо постучали. Это был тот самый Альфа — судя по голосу, он немного протрезвел от испуга:

— Извини... Я, кажется, перебрал немного, крыша поехала. Я твой тазик у двери поставил, заberi потом.

Подождав, пока шаги за дверью затихнут, Ли Цинъюй кое-как заставил себя перевести дыхание. Открыв дверь, он забрал таз, быстро ополоснул лицо холодным водопадом из-под крана и забрался на кровать.

Паника и тревога никак не отпускали. Его тело начинала бить крупная дрожь. Ли Цинъюй сжался в калачик, поджав колени к груди и отчаянно обнимая себя за плечи.

Когда страх стал невыносимым, он вытащил из-под кровати подавитель, откупорил его и выпил всё до последней капли.

Ближе к полуночи Ли Цинъюй очнулся от резкого приступа боли.

Жар не спадал. Напротив, он разгорался с новой, страшной силой, затуманивая разум и разрывая голову дикой болью.

— Чэн Е... — бессознательно прошептал Ли Цинъюй.

Голос прозвучал ужасающе: сухо, со скрипом, будто вырвался из ржавого, рассохшегося кузнечного меха. Горло горело так, словно по нему провели раскалённым железом.

Ответа не последовало. Лишь спустя пару секунд смутного бреда Ли Цинъюй вспомнил: Чэн Е на празднике у Ли Цзянцзян и сегодня не придет.

И всё же пальцы сами нашли нужный номер. Набрали. Трубку сняли почти мгновенно — из динамика рванул оглушительный гул клубной музыки и пьяные голоса.

— Алло? — донёсся голос Чэн Е. Он повторил громче: — Алло! Чёрт, тут оранжерею перекричать невозможно! Подожди, я выйду где тише.

Ли Цинъюй вытолкнул из сухой груди слабое «угу». И в этот момент рядом с Чэн Е раздался звонкий, кокетливый женский голосок:

— А-Е! Ты куда собрался? Сейчас торт резать будем, иди скорее!

Девушка растягивала слова, вкладывая в эту интонацию неприкрываемый нажим и ласку.

И она звала его... «А-Е».

Даже Ли Цинъюй так его почти никогда не называл.

Мучительно зажмурившись, Ли Цинъюй сбросил звонок.

Экран тут же вспыхнул вновь — Чэн Е настойчиво набирал его раз за разом. Ли Цинъюй не отвечал.

[СҮ: Что произошло? Ты чего сбросил?]

[СҮ: Ты в общаге?]

[СҮ: Эй, ответь!]

[СҮ: Почему трубку не берёшь?]

[СҮ: Возьми трубку!]

Чэн Е всегда был таким: если Ли Цинъюй молчал, он мог донимать звонками и сообщениями бесконечно, пока не получал своего.

Не имея сил бороться с этой настойчивостью, Ли Цинъюй набрал дрожащими пальцами:

[Q: Всё в порядке, случайно нажал. Гуляй спокойно. Телефон садится, я спать.]

Отправив сообщение, он почувствовал, как к горлу подступает тошнотворная липкая тоска. Он просто выключил телефон.

Человек, которого ты любишь столько лет... разве можно искренне за него не переживать? Разве можно не чувствовать, как рушится всё внутри?

Горькие слезы прожгли щеки, оставив влажные дорожки.

Перед глазами всплыли воспоминания: перед самым поступлением в университет они тоже жили в одной комнате. Однажды ночью Ли Цинъюй сильно заболел, и Чэн Е, не задумываясь, взвалил его на спину и побежал в больницу через полгорода.

А сейчас комната была пуста. И рядом — никого.

Он пролежал так некоторое время, но ощущение удушья и жара становилось настолько нестерпимым, что выносить его дольше не было никаких сил.

Сюэ Дуннин предупреждал: если станет плохо — бегом в больницу.

Преодолевая дикую слабость, Ли Цинъюй сполз с кровати. Экран часов на тумбочке высветил:

23:56.

Чэн Е точно не вернется.

Он кое-как натянул куртку, зажал в кулаке ключи с телефоном и шагнул в холодный коридор.

Февральский ветер в Городе А уже терял лютую январскую стужу, но всё ещё пробивал до костей.

Едва Ли Цинъюй добрался до ворот университета, у въезда затормозило такси, из которого вышла смеющаяся парочка студентов. Он тут же скользнул на заднее сиденье:

— Дядя... В Первую аффилированную больницу, пожалуйста.

Несмотря на то что внутри всё горело и плавилось, снаружи его бил озноб. Ли Цинъюй натянул капюшон пониже и плотнее запахнул куртку, с запоздалым сожалением думая, что стоит надевать что-то потеплее.

— Парень, приехали.

Ли Цинъюй с трудом выплыл из липкого небытия.

Таксист, оглянувшись при свете фонарей у входа в приемный покой, увидел его мертвенно-бледные, искусанные губы и болезненный, пугающий румянец на щеках.

— Слушай, парень, да у тебя же жар страшный! Смотришься совсем худо, давай помогу дойти?

Ли Цинъюй качнул головой:

— Спасибо вам... Я сам.

В ночном приемном покое было тихо. За стойкой первичного осмотра сидела медсестра.

Ночные смены — сомнительное удовольствие. Не поднимая головы, дежурная механически произнесла привычную скороговорку:

— Что у вас? На что жалуетесь?

Мутный разум Ли Цинъюя не сразу обработал слова, и он промолчал.

Медсестра недовольно нахмурилась и подняла глаза.

Перед ней стоял юноша. Капюшон скрывал волосы, но не мог спрятать удивительно красивое лицо: миндалевидные глаза, точеный подбородок, бескровные губы и пылающие от жара щеки. Любому было понятно, что парень тяжело болен, но выглядел он при этом до того хрупким и трогательным, что сердце невольно сжималось.

Какая красота...

Сонливость у дежурной как рукой сняло. Она поправила причёску, выпрямилась и спросила уже совсем другим тоном:

— Здравствуйте! Что у вас болит?

— Голова раскалывается... В груди жжёт. Весь горю, и горло... очень больно.

Медсестра протянула градусник:

— Сначала измерим температуру. Похоже на сильный жар.

Ли Цинъюй послушно сбросил капюшон и зажал градусник подмышкой.

Без капюшона его красота ударила по восприятию ещё сильнее.

Медсестра, слегка покраснев, с невольным любопытством уточнила:

— Скажите, а какой у вас второй пол?

Ли Цинъюй прикусил губу. Ему всегда было неловко говорить об этом вслух, но в больнице скрывать факты было нельзя:

— Омега.

Услышав это, медсестра едва заметно вздохнула с лёгким разочарованием, хотя удивляться было нечему — Ли Цинъюй был слишком хорош собой. За четыре года работы в клинике она не встречала никого с такой ангельской внешностью.

В кабинете врача Ли Цинъюй чувствовал себя так, словно его заживо поджаривают на

жаровне.

Мысли путались, тело отказывалось слушать.

За столом сидела женщина в очках — на вид ей не было и тридцати. Однако в каждом её движении чувственной уверенности проглядывал огромный опыт. Строгая, когда молчит, и удивительно располагающая к себе, стоит ей заговорить.

Ли Цинъюй мельком глянул на бейдж: Доктор Бай Фань.

Имя показалось знакомым, но мутный от боли разум не смог вспомнить, где он его слышал.

— Вторичная дифференциация прошла недавно?

Ли Цинъюй кивнул.

От этого вопроса он невольно натянулся, как струна.

Бай Фань, заметив его состояние, мягко улыбнулась:

— Не нервничай. В твоём возрасте вторичная дифференциация — это редкий и тяжелый процесс, так что острые симптомы на первом этапе вполне естественны.

Она взглянула на градусник и нахмурилась:

— Тридцать восемь и девять. Жар сильный. Я выпишу рецепт, сейчас поставим капельницу. Сиди спокойно, не вставай.

Ли Цинъюй, едва соображая от боли, лишь послушно кивал.

Веки налились свинцом. Он опёрся локтем о стол, с трудом удерживая падающую голову.

За дверью раздались шаги.

— Закончил осмотр? Как ощущение в последние дни? — донёсся из коридора голос Бай Фань, обращавшейся к кому-то вошедшему. — Всё ещё бессонница? Странно, по идее, первичные симптомы уже должны были угаснуть... Завтра зайдешь ко мне, я выпишу лекарство. У меня тут тяжелый пациент с высоким жаром, так что иди.

Ли Цинъюй показалось, что зовут именно его. Преодолевая слабость, он приподнял тяжелые

веки.

Бай Фань стояла рядом:

— Ты ведь из Университета А? Приехать в клинику в таком состоянии абсолютно одному... Есть кто-то из близких или друзей, кому можно позвонить?

Ли Цинъюй качнул головой. Из пересохшего горла вырвался лишь сиплый шёпот:

— Не надо... Я сам.

— Что значит «сам»? — возмутилась доктор. — С такой температурой оставаться без присмотра опасности подобно! Напиши номер, я сама наберу.

Она обернулась на звук шагов и удивлено вскинула брови:

— Ты почему ещё не ушёл?

Ли Цинъюй с трудом поднялся. Ноги подкосились от слабости, и он едва удерживал равновесие.

В его размытом, плывущем зрении проявился знакомый силуэт.

Высокий, без привычных очков. Острый, глубокий разрез фениксовых глаз придавал его лицу властное и даже суровое выражение. Но взгляд, направленный на Ли Цинъюя, был полон обжигающего внимания.

И в звенящей тишине кабинета четко, весомо прозвучал его низкий, прохладный голос:

— Искать не нужно. Я его семья.

<http://bllate.org/book/20116/1991897>